

УДК 39

DOI: 10.17223/22220836/21/5

О.М. Рындина

ЭТНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ЯНОВ ДЕНЬ БЕРЁЗОВСКИХ ЭСТОНЦЕВ

В статье основное внимание уделяется динамике традиции празднования Янова дня в Сибири у эстонских пореформенных переселенцев. На основе полевых материалов автора, собранных в с. Берёзовка Томской области, реконструируется история праздника на протяжении более чем столетия. Вскрывается непрерывность бытования праздничной традиции и выявляются новации, которые вносились в неё. Подчёркивается роль учреждений культуры в сохранении и одновременно трансформации этнической традиции в современности.

Ключевые слова: этническая культура, календарная обрядность, пореформенные эстонцы-переселенцы в Сибири.

У земледельческих народов в глубокой древности сформировался солнечный календарь, определивший структуру обрядовой сферы, в которой доминируют важнейшие периоды солнечного цикла – дни весеннего и осеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояния. Уже в XIX в. бытописатель русского народа А.В. Терещенко, проводя параллели в праздновании дня летнего солнцестояния у славянских и прибалтийских народов, отмечал, что в Литве ходят за город мыться росой, а праздник Купалы, называемый там «роса», сопровождается зажиганием огней [1. С. 268]. Летний праздник Иванов день (Yonies) отмечался литовцами и латышами и на рубеже XIX–XX вв. Чаще всего в нём участвовала молодёжь. Накануне дня она собиралась на горках, жгла костры, пела и танцевала. Праздник сопровождался угощениями: парни приносили пиво, водку, девушки – клёцки, начинённые творогом, сыр, пироги. В Латвии праздник стал всенародным, а в Литве его запретила католическая церковь как языческий, но тем не менее он праздновался у литовцев и в начале XX в. [2. С. 162].

Во второй половине XX в., несмотря на сдержанную политику властей по отношению к традиционной обрядности, Лиго, или Янов день, в Латвии оставался самым ярким моментом праздничной всеобщности. Прочно укоренились его обычаи: разжигание смоляными бочками огромных костров на холмах, по берегам рек, озёр, побережью Балтийского моря; песни и пляски у костров, множество дубовых венков и цветов, традиционное угощение гостей пивом, ивановым сырным колесом, коллективная встреча восхода солнца в самый длинный день в году. Песен Лиго, посвящённых Янову дню, насчитывалось около 40 тысяч [3. С. 237].

И в начале XXI в. при выявлении общих черт, присущих культуре балтийских народов, исследователи обращаются к празднику летнего солнцестояния, ночи Ивана Купалы. При этом отмечают такие элементы обряда, как купание в «святых водах», чтобы оставаться молодыми и здоровыми, приветствие восхода солнца венками из сплетённого красного папоротника,

ведущая роль солярной символики – круги, кольца, колёса, розетки, незабудки. Сохранялось и поверье, что молодые люди, вместе проводившие этот день, вскоре должны были пожениться [4. С. 205, 211]. Таким образом, Янов день на протяжении более чем столетия фиксировался как этнический маркёр балтийских народов.

Этническая культура, т.е. своеобразные, уникальные, неповторимые традиции народа или родственных народов, локально специфична, и в общность черт вкрапляется специфика, присущая только данному этносу или этнической группе, обитающим на определённой территории. Выявить в Яновом дне специфику эстонских традиций на общебалтийском фоне сложно по причине скупости информации.

Известно, что Иванов день (Яаниапяэв) сохранялся у эстонцев и в советское время, праздновался ночью, накануне 24 июня, с обязательным зажиганием костра, песнями и танцами вокруг него. Более того, он устраивался советскими культурно-просветительными учреждениями или колхозами и совхозами, дополнился новыми развлекательными жанрами [5. С. 45]. В конце XX в. он повсеместно отмечался у эстонцев на исторической родине и в России как национальный праздник, правда в некоторых местах изменилась дата – 7 июля, как Иванов день у русских [6. С. 426]. Сохранились к этому времени и основные элементы праздника – зажигание костров, песни, качание на качелях [7. С. 659]. На последнем элементе остановимся особо, так как о нём зафиксирована интересная и важная информация. Качание на качелях отмечено как традиционное развлечение эстонской молодёжи в весеннее и летнее время [8. С. 279]. В южной Эстонии качались главным образом на Пасху, перед началом весенних сельскохозяйственных работ, а в северной и западной Эстонии – больше на Троицу и Иванов день и вообще в течение всего лета, в свободное время. На юге устраивали временные качели – неподвижная перекладина, укрепленная между двумя деревьями, а на севере – большие и прочные, стоявшие годами [9. С. 302, 306].

Применительно к сибирским эстонцам следует указать на слабую изученность их этнической культуры в целом. Вместе с тем констатируется, что у эстонцев в Западной Сибири вплоть до современности сохраняются некоторые старинные обычаи, например празднование Янова дня (Яаниапяэв): в ночь с 23 на 24 июня разжигают костры, водят хороводы, качаются на качелях [10. С. 224]. Во второй половине 1980-х гг. праздник отмечали 86,4 % опрошенных эстонцев. Указывается и сибирская специфика эстонского Янова дня. В Эстонии так же, как и на Троицу, ходили на кладбище, качались на качелях, в некоторых районах красили яйца. В Сибири такие ритуалы встречаются редко. Сибирские латыши и эстонцы к Янову дню украшали дома не папоротником, а ветками берёзы, старались завершить к празднику все работы, навести в доме идеальный порядок. В праздничную ночь двери дома не закрывали, готовили угощение для гостей. Любопытный мог заглянуть в сундук, в кладовую, в хлев, и если находил там беспорядок, то выставлял хозяев на посмешище перед всей деревней. В отличие от латышей, эстонцы на Янов день не варили пива и сыра, а готовили сладости, варёные бобы, квас. Вместо многочисленных Яновых костров, принятых у латышей, эстон-

цы зажигали один большой костёр, связывая несколько берёз, и водили вокруг него хороводы [11. С. 128; 12. С. 75–76].

Эстонские поселения существуют и в Томской области, более того, именно Томская губерния стала исходной географической точкой в расселении эстонцев по Сибири. Первые эстонские поселения здесь были основаны бывшими каторжниками и ссыльнопоселенцами. В 1803 г. за восстание против барона в Ямбургском уезде в Сибирь была сослана группа эстонских крестьян, основавших в Тюкалинском уезде Томской губернии дер. Рышково. В 1846 г. в ней насчитывалось уже 900 душ населения. В связи с ростом населения часть жителей в 1863 г. переводится в новую колонию на р. Омь, где основываются деревни Рига, Ревель, Гельсинфорс, Нарва. Крупные поселения эстонцев возникают и в Енисейской губернии.

На рубеже XIX–XX вв. поток эстонцев-переселенцев в Сибирь резко возрос, с одной стороны, в связи с землеустроительными работами, насаждением хуторского хозяйства, усилившимися земельный голод в Эстонии, с другой – строительством Транссибирской железной дороги. Наиболее активно осваивалась Томская губерния, где возникло до 40 крупных и средних эстонских поселений, нередко окружённых группой небольших деревень и хуторов. К числу таких гнездовых деревень принадлежали Вамбола (147 семей в 1908 г.), Казекюла, ныне Берёзовка (102 семьи в 1902 г.), и Лилиенгоф (82 семьи в 1902 г.).

В таёжной Сибири хозяйство эстонцев носило полунатуральный характер, к покупным товарам относились лишь сельскохозяйственные орудия и инвентарь. Поселенцы, особенно на хуторах, вплоть до 1920-х гг., т.е. до коллективизации, сохраняли крестьянский образ жизни, сложившийся в Эстонии, народные традиции и обычаи. Этому во многом способствовало и сохранение эстонского языка как языка общения: в 1922 г. в Томской губернии 55 % эстонцев совсем не владели русским языком. К поддерживаемой традиции относилось и празднование Янова дня с разведением костров. В летние дни молодёжь обычно собиралась возле качелей, где танцевала и веселилась [13. С. 1, 14, 28, 31, 148].

В начале XXI в. у эстонцев с. Берёзовка (Казекюла) было зафиксировано празднование Янова дня. Первое упоминание о нём как эстонском аналоге русского дня Ивана Купалы появилось в газете «Томский вестник» [14]. На следующий год вышла небольшая статья, посвящённая самому празднику, его основным сюжетам. Описание состояло в следующем. В ночь с 23 на 24 июня берёзовцы и многочисленные гости собираются на поляне за селом. Театрализованное представление открывается зажжением большого купальского костра, от которого разгораются другие небольшие костры, под особые ритуальные песни. В эту ночь можно пройти очищение огнём и водой: прыгнуть через костёр, а после омыться росой с ветвей берёзы. Считается, что если парень с девушкой, взявшись за руки, перепрыгнут через костёр, то быть им мужем и женой, а роса избавляет от болезней, горя и сглаза. Участники праздника водят хороводы, соревнуются в традиционных играх и конкурсах: кто больше соберёт лечебных трав, кто больше выпьет домашнего пива. Под конец праздника происходит утренний сбор росы. Молодые девушки босиком, в холщовых рубашках собирают простынями росу с травы, которая об-

ладает чудодейственными свойствами. К утру догорают последние угольки большого купальского костра, а жители села дружно поднимаются на холмы навстречу восходящему солнцу [15. С. 8].

Для того чтобы выяснить характер проводимого действа (продолжающаяся традиция, возрождённая на местной основе традиция или реконструкция без учёта местной специфики), потребовался сбор полевого этнографического материала и его обобщение. Проводилось углублённое интервьюирование эстонцев разных возрастов, проживающих в с. Берёзовка¹. Воссозданная на основе полевых материалов традиция празднования Янова дня такова.

На хуторах, окружающих Берёзовку, Янов день в начале XX в. справляли с 23 на 24 июня, а в наступивший день запрещалась всякая работа: даже скотину не выгоняли, и пастухи отдыхали в этот день. Правда, информация о том, как именно отмечался праздник, не сохранилась.

Время коллективизации и политических репрессий, т.е. 1920–1930-е гг., отложилось в памяти у эстонцев Берёзовки вовсе не празднично-обрядовыми действиями. Однако сведения о том, что Янов день отмечали до начала Великой Отечественной войны и даже в 1941 г., фиксируются. Молодёжь собиралась в переулке, жгла старые резиновые колёса. В войну Янов день не отмечали, но с конца 1940-х вновь начали зажигать на него небольшой костёр. Собирались все, молодые и взрослые, играли на гармошке, пели эстонские песни, плясали. В чистую простыню собирали росу. Старые люди уверяли, что она обладает лечебными свойствами, полезна для здоровья. Венки не плели, колёса не жгли, водой не обливались. Интересно отметить, что депортированные в Берёзовку в 1940-е гг. латыши тоже широко отмечали праздник. Гуляли всю ночь: пели, играли, плясали.

Традиция празднования Янова дня перешла и в 1950-е гг., и некоторые жители села считают, что именно с этого времени и следует начинать её отсчёт в Берёзовке.

Применительно к 1960-м гг. можно вести речь о Яновом дне как традиционным эстонском празднике в Берёзовке. Его праздновали, как и раньше, с 23 на 24 июня. Накануне ходили на кладбище, плели венки из веточек брусники и несли с собой. Поскольку не принято было поминать усопших на кладбище, поминали дома по возвращении. Из леса приносили берёзки, ставили их у входа в дом, в углах комнат, втыкали веточки за косяки. Полагалось к празднику украсить жилище.

Празднование Янова дня начиналось 23 июня с заходом солнца. В переулке взрослые разжигали костёр, как говорили, для изгнания злых духов. Возле костра собирались своим кругом взрослые и дети, жившие в переулке, а в нём жили только эстонцы. Взрослые пели песни на эстонском языке. Танцевали «польку-бабочку» и «польку-тройку». В Доме культуры культивировали польку, поэтому она стала основным танцем на всех праздниках. Непременно качались на качелях, установленных на лето в конце переулка. Брали с собой еду, угощали друг друга. Существовала специализация обрядовых

---

¹ Выражаю искреннюю благодарность Алле Эдгаровне Коот, педагогу, жительнице с. Берёзовка, прекрасному знатоку эстонской истории и культуры, подвижнице, возрождающей элементы этой культуры, за неоценимую помощь при сборе информации.

ролей: бабушка Фаня Пастак рядилась и веселила всех, а бабушка Майя Крюгер собирала росу и сохраняла её как можно дольше, лечила ею. Пожилые люди больные места обмывали росой. Молодёжь ходила в гости на соседние улицы, где тоже горели костры, – Бахтулинскую (за ней шла дер. Бахтулино), Томпасову, Ласманову (ныне Лесная), Малиновскую сторону (Чибинка), Чебоксары и др. Весь следующий день, 24 июня, обливались водой. В переулке стояла бочка, из неё ведрами черпали воду и обливались.

В 1960-е гг. к празднованию подключались и местная власть, и Дом культуры, прежде всего в лице его руководителя Сальме Яновны Трус. Сельсовет выделил машину, чтобы привезти на выбранную для праздника поляну реквизит. Развели один костёр, пели песни, плели венки, устроили игры, танцы. Жгли резиновые колеса, шины. Играли гармошка, баян и аккордеон.

В 1970-е гг. костры жгли в ночь с 23 на 24 июня в конце каждой улицы. Особенно много народу было на ул. Лесной, Луговой. Иногда улицы объединялись, но случалось это редко.

К празднику обязательно готовились заранее. Обычно коров пригоняли к девяти часам вечера, а на Янов день – к восьми, чтобы успеть управиться со скотиной. Собирались, когда смеркалось, надевали лучшие костюмы, сапоги. Люди сами организовывались. Костёр ставили шалашом в конце улицы, поджигали, но огонь не поддерживали. Костёр не был таким большим, как сейчас. Приходило много пожилых людей. Садились группками на брёвна. Пели на два голоса песни по-эстонски. Качались на качелях, установленных на огромных столбах с перекладиной. На доску садилось по два, иногда даже по три человека. Под баян, гармошку танцевали «под испань», польку-бабочку. Через догорающий огонь большого костра прыгали или разводили для этого маленькие костры. Когда главный костёр прогорал, угли от него и золу брали домой, ими лечились, сыпали в стайки для плодovitости скота, на поля для урожая. До или в Янов день готовили берёзовые веники. 24 июня старались ничего не делать по хозяйству, беда, если выпадала очередь пасти скот в этот день. Устраивали обливание водой. Сейчас костёр по-прежнему жгут в ночь с 23 на 24 июня, а обливание водой устраивают 7 июля, на Ивана Купалу.

В 1980-е гг. на Янов день, точнее накануне его, на каждой улице зажигали свой костёр, соревновались, у кого он выше. Собиралось много детей, молодёжи, людей старшего возраста, они ходили с удовольствием. Любили чужих: мужчины переодевались женщинами, женщины – мужчинами и веселили собравшихся. Образовывались постоянные и популярные пары ряженных, например из двух соседок: высокая и худощавая Эмилия Яковлевна Цион одевалась в женскую одежду, а пониже ростом, кругленькая Лидия Павловна Саар – в мужскую. В конце улицы стояли качели, на которых качались всё лето и на праздник, и находилась площадка с волейбольной сеткой, здесь на Янов день водили ручеёк. Было интересно: кто кого выберет. Все вместе пели песни. Танцевали под баян и гармошку польку-бабочку: пары танцевали по кругу на куплет и припев, а при смене ритма выбирали нового партнёра. Ставили квас и на праздник угощали им. Венков не было. Росу не собирали.

В конце 1980-х гг. празднование Янова дня в Берёзовке на некоторое время прекратилось, а с 1990-х гг. началось его возрождение. На основе ме-

стного праздника Тамара Николаевна Керб, главный библиотекарь Берёзовского филиала Центральной библиотечной системы Первомайского района, предложила провести клубное мероприятие. Вдвоём с Людмилой Карловной Богенс, директором Центрального дома народного творчества, досуга и эстонской культуры в с. Берёзовка, разработали сценарий, взяв за основу языческую традицию разжигания костра на Янов день. Сведения о его праздновании собирали у старожилов села. Первый сценарий включал в себя костёр, эстонские песни, танцы, качели. В 1990 г. провели первый общедеревенский праздник. Пришла вся деревня, среди участников преобладали пожилые люди. В 1991 г. Янов день не проводили, а с 1992 г. он организуется ежегодно. С 1995 г. на него активно стали приезжать гости. В 2003 г. на основе Янова дня совместно с Областным домом народного творчества «Авагарт» был проведён Праздник солнца «Янтарное ожерелье». В этом году гостьей праздника стала атташе по культуре посольства Эстонии в России Андра Вейдемани, которой понравилось эстонское село и которая с удивлением обнаружила сохранившиеся в нём элементы традиционной эстонской культуры [16. С. 30].

По уже устоявшейся традиции к каждому празднику пишется новый сценарий, его авторы пытаются каждый раз удивить участников, но при этом неизменным остаётся набор определенных элементов.

Во-первых, опаживание поляны перед праздником сохой, в которую впрягли в коня.

Во-вторых, очищение участников огнём – прыгание через маленький костёр и водой – окропление их девушками с помощью берёзовых веников, смазываемых в деревянных вёдрах.

В-третьих, угощение приезжих «обедной» кашей, перловой или из гречихи.

В-четвёртых, «стариковские посиделки» – исполнение эстонских песен знатоками фольклора, среди которых Алла Эдгаровна Коот, Ида Югановна Мийедам, Ида Густавна Лаль, Эрмине Карловна Сытик, Эльвина Павловна Климон, Эмилия Яковлевна Трус, Бернальд Оскарович Керб, Марта Альбертовна Лесман и др.

В-пятых, конкурсный сбор трав с целебными свойствами, что предполагает знание этих свойств и умение рассказать о них. Поиск неженатыми парами цветущего папоротника.

В-шестых, плетение венков, пускание их по воде пруда, а в последнее время – гадание по плывущим на венках свечам.

В-седьмых, катание горящих колёс с горы: обматываются паклей тележные колёса и поджигаются.

В-восьмых, зажигание в полночь костра, обращение к нему с просьбами. На первые праздники устраивали большой и малые костры. Зажигают костёр почётные гости, медалисты местной школы, в 2013 г. – молодая пара. Золу от прогоревшего костра местные жители собирают и раскидывают по огородам – для урожая.

В-девятых, хоровод вокруг костра.

В-десятых, обряд сбора росы, обладающей целебными свойствами: девушки собирают её в простыню и выжимают в деревянную посуду.

В-одиннадцатых, различные концертные номера.

К веяниям последних лет относится угощение традиционными блюдами и напитками: пивом, сваренным по смешанному чувашско-эстонскому ре-

цепту, раскусывание сыра с тмином, торговля колбасами, прежде всего кровавой. Традицией праздника становится знакомство собравшихся с творческими достижениями берёзовской молодёжи, приезжающей на праздник из Томска, людей с берёзовскими корнями. Внедряется такой элемент праздника, как поздравление людей по имени Ян. К числу новшеств последних лет относится и появление на празднике людей, особенно молодых, в традиционном эстонском костюме. Приглашение на праздник также содержит новацию: накануне праздника по деревне ходят с берёзкой и приглашают на праздник, принимающие приглашение привязывают к деревцу ленточку. Перед праздником берёзку ставят возле сцены.

Итак, эстонская традиция празднования Янова дня практически не прекращалась в с. Берёзовка, в разное время в разном объёме она сохраняла в себе черты, принесённые пореформенными переселенцами с исторической родины, включала в себя новые элементы, диктуемые урбанизированной культурой, а с 1990-х гг. приобрела статус клубного культурно-зрелищного мероприятия и сегодня стала визитной карточкой села и района. При этом в с. Берёзовка воспроизводились именно эстонские традиции Янова дня: посещение накануне кладбища, приготовление кваса и угощение им, обязательное качание на качелях, предпочтение, отдаваемое одному костру, пусть и на разных улицах, сбор росы. Более того, опираясь на такой элемент праздника, как качели, можно утверждать, что воспроизводятся традиции северной и западной, а не южной Эстонии. Стойко сохранялась и традиция празднования Янова дня в ночь с 23 на 24 июня с обливанием водой в продолжение наступившего дня. Вплоть до последних десятилетий сохранялась вера в магическую силу многих элементов обрядности, а применительно к углям и золе костра она существует и поныне. В настоящее время Янов день в Берёзовке проходит в новом формате, как массовое этнокультурное зрелищное мероприятие, с одним большим костром на всех, присутствием гостей, приезжающих на праздник из разных мест Томской области, и не только, но, по мнению местных жителей, при этом празднику не хватает прежней теплоты.

Список информаторов

- Богенс (Мяедам) Эмма Эдуардовна (1935 г.р., хутор в Берёзовском уезде)
Вахтер Август Освальдович (1933 г.р., хутор в Берёзовском уезде)
Гутман Вальтер Освальдович (1934 г.р., дер. Вамболы)
Коот Алла Эдгаровна (1969 г.р., с. Берёзовка)
Круберг (Удеколь) Аделе Эдуардовна (1925 г.р., хутор в Берёзовском уезде)
Курс Аделе Эдуардовна (1924 г.р., хутор в Берёзовском уезде)
Мяедам Лилия Вальтеровна (1959 г.р., дер. Берёзовка)
Соловьёва (Мадисон) Линда Альбертовна (1964 г.р., с. Берёзовка)

Литература

1. Терещенко А.В. Быт русского народа. М., 2001. 416 с.
2. Милос В. Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX – начале XX в. // Труды Ин-та этнографии. Т. 32. Балтийский этнографический сборник. М., 1956. С. 129–169.
3. Кампарс Петерс. Чтобы не порвалась нить времён // Дружба народов. 1968. № 1. С. 235–241.
4. Гимбутас Мария. Балты. Люди янтарного моря. М., 2004. 223 с.
5. Тармисто В.Ю., Флокстисова Л.К., Варон Э.Ф. Эстония // Страны и народы. Советский Союз. Республики Прибалтики. Белоруссия. Украина. Молдавия. М., 1984. С. 20–66.

6. Тынурист И.В. Эстонцы // Народы России : энцикл. М., 1994. С. 423–427.
7. Мазов С.В., Попов В.А. Эстонцы // Народы и религии мира: энцикл. М., 1998. С. 656–659.
8. Вийдаленн Р. Эстонцы: Семейная и общественная жизнь // Народы европейской части СССР. М., 1964. Т. 2. С.278–288.
9. Тампере Х.Т. Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете эстонского народного творчества // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 293–318.
10. Семёнова К.Н. Эстонцы // Народы и культуры Томской области : энцикл. Томск, 2007. С. 222–224.
11. Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М., 1996. 254 с.
12. Лоткин И.В. Латыши и эстонцы // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск, 2002. С. 60–82.
13. Маамяги В.А. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М., 1990. 200 с.
14. Мандрик Л. У Берёзовки эстонское лицо // Томский вестник. 2002. 8 авг.
15. Зайцева К. Янов день на Томской земле // Территория согласия: Журнал о жизни народов Томской области. 2003. № 1. С. 8.
16. Суворова О. Сибирские эстонцы празднуют Янов день // Территория согласия: Журнал о жизни народов Томской области. 2008. № 2. С. 31–32.

Ryndina Olga M. Tomsk State University (Russia, Tomsk)

E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

DOI: 10.17223/22220836/21/5

ETHNIC TRADITIONS IN MODERN CULTURE: JĀŅI DAY OF BEREZOVKA ESTONIANS

Key words: *ethnic culture, calendar rites, post-reform Estonian settlers in Siberia.*

The article emphasizes the decisive importance in the calendar rites Balts celebration of the summer solstice –, determines its basic elements - fires, songs, dances, a solar symbolism. It is noted that the festival serves as a marker of ethnic and cultural Estonians throughout the XX century. It focuses on the traditions of Jāņi Day celebration in Siberia at the post-reform Estonian immigrants and their descendants. Estonian village Berezovka in Tomsk Region has elected as the research base. The brief history information about the village is summarized in the context of the history of the population of Estonians Tomsk region. The Jāņi Day celebration history for more than a century is reconstructed based on the author's field data collected in Berezovka. There are marked stability festive ethnic culture in a Estonians farmsteads in the neighborhood Berezovka at the beginning of the XX century. It reveals the continuity of the existence of a festive tradition, although in a minimal amount, in terms of repression of the 1930s and the post-war 1940s. The festival celebration develops in 1950-ies, its structure has complicated - visit the cemetery, commemoration of the dead, decoration the houses by birches, dwelling fires in each lane, the Estonian songs and dances, mutual treats, humorous scenes, collecting dew and bathed her, pouring water the next day. The local authorities and employees of the club come in on festival celebration in 1960-ies, Jāņi Day was held orderly, but with preservation of traditional elements. Only for a short time in the late 1980s, a festival tradition fades in Berezovka, but already in the 1990s it has reborn. The holiday takes on the character of mass entertainment events held by the workers of culture and visited by locals and visitors. Jāņi Day celebration becomes the hallmark of the Estonian Berezovka. In the festival script innovations are introduced on a regular basis, but it is based on the Estonian traditions brought by post-reform migrants from Estonia in the Siberia.

References

1. Tereshchenko, A.V. (2001) *Byt russkogo naroda* [The Daily life of the Russian people]. Moscow: Institute of Russian civilization.
2. Milyus, V. (1956) *Pishcha i domashnyaya utvar' litovskikh krest'yan v XIX – nachale XX v.* [Food and utensils of Lithuanian peasants in the 19th – early 20th centuries]. *Trudy Insituta etnografii*. 32. pp. 129–169.

3. Kampars, P. (1968) Chtoby ne porvalas' nit' vremen [Not to tear the thread of times]. *Druzhba narodov*. 1. pp. 235–241.
4. Gimbutas, M. (2004) *Balty. Lyudi yantarnogo morya* [The Balts. People of the Amber Sea]. Translated by S. Fedorov. Moscow: Tsentrpoligraf.
5. Tarmisto, V.Yu., Floktistova, L.K. & Varop, E.F. (1984) Estoniya [Estonia]. In: Lappo, G.M. (ed.) *Strany i narody. Sovetskiy Soyuz. Respubliki Pribaltiki. Belorussiya. Ukraina. Moldaviya* [Countries and peoples. The Soviet Union. The Baltic Republics. Belarus. Ukraine. Moldova]. Moscow: Mysl'. pp. 20–66.
6. Tõnurist, I.V. (1994) Estontsy [Estonians]. In: Tishkov, V.A. (eds) *Narody Rossii* [The peoples of Russia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 423–427.
7. Mazov, S.V. & Popov, V.A. (1998) Estontsy [Estonians]. In: Tishkov, V.A. (eds) *Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 656–659.
8. Viydalepp, R. (1964) Estontsy. Semeynaya i obshchestvennaya zhizn' [Estonians. Family and social life]. In: Belits, V.N. et al. (eds) *Narody evropeyskoy chasti SSSR* [The peoples of the European part of the USSR]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 278–288.
9. Tampere, H.T. (1956) Nekotorye voprosy etnicheskoy istorii estontsev v svete estonskogo narodnogo tvorchestva [Some questions of ethnic history of Estonians in the light of the Estonian folk art]. In: Moora, H. (ed.) *Voprosy etnicheskoy istorii estonskogo naroda* [Problems of ethnic history of the Estonian people]. Tallin: Estonian State Publ. pp. 293–318.
10. Semenova, K.N. (2007) Estontsy [Estonians]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Narody i kul'tury Tomskoy oblasti: Entsiklopediya* [Peoples and Cultures of Tomsk Region: An Encyclopedia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 222–224.
11. Lotkin, I.V. (1996) *Sovremennye etnicheskie protsessy u latyshey i estontsev Zapadnoy Sibiri* [Modern ethnic processes of Latvians and Estonians in Western Siberia]. Moscow: RAS.
12. Lotkin, I.V. (2002) Latyshi i estontsy [Latvians and Estonians]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Narody Zapadnoy i Sredney Sibiri: Kul'tura i etnicheskie protsessy* [The peoples of Western and Central Siberia: Culture and ethnic processes]. Novosibirsk: Nauka. pp. 60–82.
13. Maamägi, V.A. (1990) *Estontsy v SSSR. 1917–1940 gg.* [Estonians in the USSR. 1917–1940] Moscow: Nauka.
14. Mandrik, L. (2002) U Berezovki estonskoe litso [Berezovka has an Estonian face]. *Tomskiy vestnik*. 8th August.
15. Zaytseva, K. (2003) Yanov den' na Tomskoy zemle [Midsummer Day in Tomsk]. *Territoriya soglasiya. Zhurnal o zhizni narodov Tomskoy oblasti*. 1. p. 8.
16. Suvorova, O. (2008) Sibirskie estontsy prazdnuyut Yanov den' [Siberian Estonians celebrate Midsummer Day]. *Territoriya soglasiya. Zhurnal o zhizni narodov Tomskoy oblasti*. 2. pp. 31–32.